

СИЛА ПРИТЯЖЕНИЯ
КОСМИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ВАЛЕРИЙ РОЩИН

СОЛНЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Москва 2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р81

Рощин, Валерий Георгиевич.

Р81 Солнечный ветер / Валерий Рощин. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-097084-1

Открытый космос. Орбита Земли. У американского корабля «Джемини» большие проблемы. Беспорядочно вращаясь, он быстро сближается с советской орбитальной станцией. Столкновение неизбежно. Космонавт Сергеев, пилотирующий «Салют», включает маршевые двигатели и пытается увести связку на другую орбиту, но двигатели слабоваты — не успеет! И «Джемини» врежется в пристыкованный грузовик «Прогресс». Команда с Земли: сбросить «Прогресс»! Сергеев пытается, но грузовик словно прилип к станции. Американский астронавт, спасаясь от пожара на своем корабле, выходит в открытый космос. На сколько ему хватит кислорода в скафандре? На Земле в это время решают, спасать ли американца. Счет идет на секунды. И Сергеев принимает самостоятельное решение...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097084-1

© Жмак В., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Пролог

*Орбита Земли; борт космической станции
«Салют-6» — борт космического корабля «Союз»
Октябрь 1977 года*

— «Орлан», посмотрите внимательнее. Дистанция между кораблем и объектом менее пятисот метров. Его скорость немного выше, и он постепенно вас догоняет. Размеры объекта таковы, что не заметить его невозможно...

В голосе руководителя полетов слышались и тревога, и усталость. За последние шесть часов он уже четырежды предупреждал экипаж о странном объекте и никак не мог понять, почему космонавты его не видят.

— Ну?.. Теперь наблюдаете?

Переглянувшись с бортинженером Володей Байдуковым, командир экипажа Александр Сергеев вздохнул:

— Нет, «Заря», не наблюдаем. По указанным азимуту и удалению — чисто.

— Ничего не понимаю! Ерунда какая-то, — в сердцах сказал руководитель. — Но в любом

случае, «Орланы», будьте предельно внимательны.

И умолк.

Явление действительно представлялось странным. Четырежды в опасной близости от советской станции с разными курсами и на различных скоростях пролетал неизвестный объект, который космонавты почему-то визуально не наблюдали. Ни самого объекта, ни следа от него, ни темного контура, ни отблесков в лучах то восходящего, то заходящего солнца. Мелких метеоритов и таких же мелких обломков космических кораблей наземные локационные станции обнаружить не могли. Значит, объект был достаточно крупным и в то же время невидимым. Это удивляло и вызывало обоснованные опасения.

Настораживало и поведение объекта. Он словно присматривался к станции и ее обитателям. Словно изучал и испытывал на прочность.

— Да черт бы с ней, с этой странностью, Саша, — мрачно изрек инженер, продолжая глазеть в иллюминатор. — Если бы не сопутствующие ей отказы.

Командир согласился:

— Это верно, Володя. Уж и не знаешь, чего ждать от следующего появления...

Долго и в этот раз ждать не пришлось. Секунд через сорок на одной из панелей центрального

пульта управления станции сработала световая индикация отказа сразу двух систем: вентиляции и автоматической передачи информации с целевой научной аппаратуры.

Негромко выругавшись, Байдуков поплыл в сторону пульта для тестирования и устранения отказов.

Сергеев поправил микрофон гарнитуры и принялся передавать «Заре» об очередных «сюрпризах»...

* * *

Спустя полтора часа экипажу удалось справиться с отказами. Инженер долго копался в проблемном блоке системы шифрования и передачи информации, а командир занимался работой попроще — проверял параметры тока и включал «выбитые» автоматы защиты сети в модуле управления вентиляцией и обеспечения температурного режима.

— Справились, — удовлетворенно кивнул Володя Байдуков, закрепляя на специальном поясе плавающие рядом инструменты.

Сергеев вызвал ЦУП:

— «Заря», я — «Орлан». «Заря», как меня слышите?

— «Орлан», «Заря» на связи, — тотчас откликнулся руководитель. — Слышу вас отлично.

— Отказы устранили. Обе системы функционируют без сбоев.

— Молодцы. Устали?

— Есть немного.

— Тогда отдыхать, братцы. Судя по телеметрии, состояние у вас не очень.

Усталость и впрямь одолевала обоих. После суток нервотрешки с отказами ужасно хотелось спать. Но командир все же поинтересовался:

— «Заря», а что там с объектом?

— Исчез. Прошел траверз станции, ускорился и пропал с радаров. Так что отдыхайте, пока есть такая возможность.

— Поняли вас. До связи...

* * *

Встревоженный голос несколько минут пытался прорваться в сознание двух космонавтов. Те крепко спали. Перед отдыхом командир включил динамик радиостанции на полную громкость, но это не помогло — усталость срубила обоих.

— «Орланы», я «Заря»! «Орланы», ответьте «Заре»!.. — надрывался руководитель. — «Орланы», где вы там, черти?! Ответьте!

Наземные станции дальней радиолокации уже пятнадцать минут вели вновь появившееся неизвестное космическое тело. Ничего нового

в его поведении операторы не выявили: взялось из ниоткуда, выполнило дугообразный маневр и стало медленно приближаться к станции. «Ну а если ничего нового нет, то жди отказов», — с тревогой думал руководитель полетов. И вновь вызывал экипаж...

Первым начал пробуждаться командир. К громкому и требовательному голосу РП оба космонавта за время полета привыкли — он вряд ли вырвал бы из приятной сонной неги. Сознание стало медленно пробуждаться из-за странного едкого запаха и призывного писка аварийной сигнализации.

— Володя! Володя, проснись! — быстро отстегивал привязные ремни Сергеев.

Инженер открыл глаза.

— А? Что?.. Что случилось?

— У нас что-то горит! Запах чувствуешь?!

Байдуков шустро покинул спальное место, оттолкнулся от борта и перелетел к ЦПУ.

— Задымление в отсеке пневмогидравлической системы, — моментально поставил он «диагноз».

Через пару секунд командир докладывал на Землю об аварийной ситуации на борту. Зная о неприятных сюрпризах при появлении рядом со станцией странного объекта-невидимки, сотрудники Центра управления были готовы ко всему, однако услышав о задымлении, не на

шутку заволновались. Огонь и дым на борту любого космического корабля являлись главными признаками ЧП с самой высокой степенью опасности.

— «Орланы», во-первых, проверьте давление в системе! — подсказывал действия руководитель.

Командир с инженером сообща выполняли действия.

— Давление в норме!

— Пусть один из вас осмотрит внутреннюю обшивку в кормовой части станции.

— Осмотр ничего не дал. Несмотря на стойкий запах гари, источник задымления не обнаружен.

— Обшивка на ощупь теплая?

— Да, градусов на пять-семь выше обычного.

— Разбирайте! Немедленно разбирайте панели!..

* * *

Когда из обшивки напротив аварийного отсека космонавтами был удален первый лист, внутреннее пространство станции моментально наполнилось сизым дымом.

— Может, надеть дыхательные маски? — откашлявшись, предложил инженер.

— Нет времени! Давай посмотрим, в чем там дело...

Ситуация ухудшалась с каждой секундой. Космонавты отрывали панели обшивки одну за другой, приближаясь к тлевшему источнику, а дыма внутри станции становилось все больше и больше.

— Саша, Володя, приказываю начать эвакуацию! — гремел из динамиков голос руководителя. — Слышите меня?! Приказываю покинуть станцию!..

Они слышали команду, но хотели спасти положение. Оба хорошо знали конструкцию «Салюта»; под сорванными листами должны были находиться трубопроводы пневмогидравлики и жгуты электропроводки. Сергеев с Байдуковым их не видели. Задерживая дыхание, они лишь ощущали исходившее откуда-то тепло.

— Ни черта не видно! Можно разобраться только на ощупь! — откашливаясь, крикнул инженер. — Слишком много дыма.

— Уходим, Володя, — приказал Сергеев.

— Дай мне минуту. Я доберусь до источника!

— Не могу, Вовка! Валим, иначе будет поздно!..

Оттолкнувшись от конусообразного кожуха телескопа, космонавты поплыли к переходному отсеку, за стыковочным узлом которого находился их «Союз».

— Володя, закрывай люк! Я готовлюсь отчалить! — крикнул командир, занимая место в своем ложементе.

Инженер не ответил.

Окинув взглядом небольшой объем спускаемого аппарата, Сергеев не нашел друга.

— Володька, ты где?! — рванул он обратно.

В узком переходном отсеке станции еще можно было что-то разглядеть. Дальше — там, где пространство расширялось почти до четырех метров — все тонуло в сизом густом тумане.

— Володя! — крикнул Сергеев. — Володя, откликнись!!

Инженер молчал.

Возвращаться в рабочее помещение станции было равносильно самоубийству. И все же командир решился.

Закрыв рот рукавом комбинезона, он нырнул в задымленное пространство и принялся искать друга...

Глава первая

*СССР; Москва; ГНИИ авиационной и космической
медицины — Московская область; Звездный городок
Октябрь — ноябрь 1977 года*

Одноместная палата центрального корпуса ГНИИ космической медицины совсем не походила на палаты обычных городских больниц или клиник. Специальная широкая кровать с регулируемым наклоном изголовья, кондиционер, небольшой холодильник, журнальный столик перед удобным креслом, цветной телевизор на ножках, на большом окне горизонтальные жалюзи. Над кроватью пульт управления светом и вентиляцией, рядом кнопка вызова медицинского персонала.

По телевизору транслировался выпуск новостей.

— Запущенный в августе этого года первый блок Чернобыльской атомной электростанции функционирует в штатном режиме, выдавая расчетную мощность — девятьсот двадцать пять мегаватт... — вещал с экрана диктор.

На кровати под тонким одеялом лежал Сергей. В кресле, развернув к свету тонкую стопку стандартных листов, сидел Николай Павлович Анисимов и внимательно читал довольно длинный отчет о космическом полете.

В палате, не считая приглушенного голоса диктора первого канала, было удивительно тихо. То ли из-за капитальных оконных рам, то ли благодаря тому, что клинический корпус ГНИИ стоял в глубине института, и звуки проезжавшего по ближайшей улице транспорта до него не долетали. Из коридора корпуса тоже не доносился привычный для типичной советской больницы гомон, потому как на этаже имелось всего шесть палат, пять из которых на сегодняшний день пустовали, а Сергей оставался единственным пациентом.

Сашка лежал на спине. Глядя в белый матовый потолок, он ждал, когда шеф закончит изучать его письменные труды. Настроение было — хуже не придумаешь. Проведенные в ГНИИ трое суток тянулись так, словно в каждом часе было не шестьдесят минут, а все триста. Только сон отгонял мрачные мысли и возвращал организму относительную свежесть.

— А вот здесь ты упомянул мелькнувшую тень, — сказал Анисимов, — и тут же поставил замеченное под сомнение. Как это понимать?

Сергеев нехотя пояснил:

— Тень наблюдал Байдуков. Да и то... скорее показалось. Он позвал к иллюминатору, я подлетел, посмотрел, но ничего не увидел. Устали мы к тому времени, Николай Павлович, вот и мерещилась всякая всячина.

— Тогда лучше вычеркнуть это предложение. Незачем морочить голову членам комиссии.

— Как скажете. Там все равно половину переписывать.

— Почему половину? — оторвался от отчета Анисимов. — Ты еще что-то вспомнил?

— Некоторые детали. Лежу тут, потолок изучаю... Делать все равно нечего, вот и восстанавливаю полет поминутно.

— Это правильно, Саша. Чем подробнее составишь отчет — тем лучше. Для всех лучше, включая вас с Байдуковым...

Последняя фраза задела за живое.

— Вы нам не доверяете? — мрачно выдавил космонавт. — По-вашему, мы сами придумали и невидимый объект, и связанные с его появлением отказы?

— Да ничего вы не придумали! Его вообще заметили не вы, а операторы дальнего радиолокационного контроля, — поморщился заместитель начальника Центра подготовки космонавтов. — И доверие к вам абсолютное. Просто тех, кто сидит там, — ткнул он пальцем в сторону потолка, — крайне нелегко убедить в том, что